

ЕГО ВОЛЯ. ЕЁ ЗАКОН. ЕГО КЛЕЙМО. ЕЁ СУДЬБА.

КЛЕЙМО СОЗВЕЗДИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— С.О.Н —
Juliet Black

18+

Сводь Осколков Неба

Juliet Black

Клеймо созвездия

«Автор»

2026

Black J.

Клеймо созвездия / J. Black — «Автор», 2026 — (Своды
Осколков Неба)

В Серой Гнили не бывает спокойной жизни. Здесь каждый день приходится бороться за еду, тепло и право встретить новый рассвет. Мы давно привыкли жить по этим правилам. Прятаться. Молчать. Делать всё, чтобы никто не узнал нашу тайну. Но однажды всё изменилось. В один день я лишилась дома, семьи и той жизни, которую знала. А потом оказалась втянута в чужую игру, правил которой мне никто не объяснил. И пока я пытаюсь найти путь к свободе, кто-то уже двигает фигуры по шахматной доске, на которой мне отвели роль простой пешки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Клеймо созвездия

Глава 1

Сырой туман Серой Гнили пробирался в дом через щели в старых стенах. Наша кухня на окраине трущоб выглядела жалко: крыша в углу давно прогнила, и оттуда на каменный пол постоянно капала грязная вода. Мебель разваливалась от старости — обычный деревянный стул был грубо замотан старыми кожаными ремнями. Из еды почти ничего не осталось: на столе лежала кучка подгнившей фасоли, а в банке на полке перекатывалась последняя горсть муки. Мы жили в полной бедности, просто пытаюсь выжить.

За окном, которое было обтянуто мутным бычьим пузырем вместо стекла, каждые полчаса менялась погода. В Серой Гнили никогда не было нормального климата, потому что наши трущобы зажало прямо между тремя великими землями Иверийцев. Час назад нас заливало ледяным дождем со стороны Звездопада, а сейчас в окна давил удушливый, тяжелый жар со стороны Зенита. От этих резких перепадов одежда липла к телу.

— Надолго этого не хватит, Амира, — сказала Митея, опустив деревянную ложку в пустую миску. Она сидела у плиты, её лицо было испачкано в саже. — Если растянем фасоль, то дня на два. Потом мы начнем голодать.

— Мы что-нибудь придумаем, Митея, — ответила я и вытерла мокрые руки о юбку, хотя сама дико боялась голода. — Контрабандисты на рынке обещали продать зерно подешевле.

— Ага, если они до этого нас не пришибут за старые долги, — хмуро отозвалась Талия.

Талия сидела у окна и перебирала фасоль, выкидывая гнилую. От сильного солнечного зноя её тонкая белая майка промокла и просвечивала. Я случайно посмотрела на её спину, и у меня внутри всё сжалось от страха.

Прямо от поясицы, по лопаткам, рукам до локтей и выше к шее у неё шел магический рисунок. Это была как выпуклая печать на коже, похожая на древние символы. У нас у всех троих были такие метки Излома. Из-за них любой ивериец схватил бы нас и превратил в рабыню до конца жизни.

— Надень другую майку, Талия! Быстро, — испуганно прошептала я.

Талия упрямо дернула плечом, даже не обернувшись.

— Мы дома! — огрызнулась она. — Амира, хотя бы здесь можно не прятаться? Я задыхаюсь в этих шмотках.

— Амира права, — жестко перебила её Митея. — А если кто-то зайдет? Ищейки проверяют эти трущобы каждый день. Если они увидят печать на твоём теле...

— Да кто в такую глушь пойдёт? — Талия со злостью бросила фасоль на стол. — Мы на самом отшибе Гнили.

— И все же не надо рисковать, — сказала я и сделала шаг к ней. — Талия, надень...

Я не успела договорить. В голову будто со всей дури вогнали раскаленный железный штырь.

Этот прорыв Излома был настолько огромным и мощным, что мой разум просто разорвало на части. Звуки кухни пропали. Мой собственный магический рисунок на спине, скрытый под одеждой, дико загло.

— Разрыв... — задыхаясь, прохрипела я.

Ноги сразу стали ватными. Я упала прямо на колени на грязный пол, сильно сжав голову руками. Зубы скрипели от боли, а из глаз брызнули слезы. Пространство перед глазами поплыло и пошло трещинами.

— Амира! Держись! Митея, держи её! — в панике закричала Талия.

Девчонки тут же бросились ко мне. Митея крепко схватила меня за плечи, а Талия прижала мою голову к себе, пытаясь удержать моё тело, которое сильно трясло. Мою спину пекло так, словно туда плеснули кипятком.

И тут включилось видение. Я четко, будто своими глазами, увидела место катастрофы. Прямо на границе, где сталкивались территории Зенита и Звездопада, ткань мира с грохотом порвалась. Из этой черной пространственной дыры — Излома — уже лезли Энтропы. Они выглядели как жуткая, шевелящаяся масса из застывшего дыма, битых зеркал и оголенных костей. Они двигались со страшным хрустом, ломая свои суставы. У них не было глаз, но они ползли вперед.

— На границе Зенита и Звездопада... — выдавила я сквозь сцепленные зубы, утыкаясь лицом в плечо подруги. — Они столкнутся на Стыке... Совсем рядом.

Митея и Талия изо всех сил сжимали меня в объятиях, пытаясь успокоить, пока мой рисунок на спине продолжал бешено гореть от магии, выдавая наш самый главный секрет.

Приступ начал медленно отпускать. Невыносимый жар на спине угас, сменившись ноющей болью, а безумное видение перед глазами наконец-то растворилось, вернув меня обратно на грязный пол нашей кухни.

Я подняла глаза на испуганных подруг. Зрение еще слегка двоилось, а на щеках застыли соленые дорожки — от дикой боли слезы брызнули сами собой, и я не удержалась, шмыгнув носом.

— До этого места всего несколько часов пути, — хрипло выдохнула я, утирая лицо рукавом. — Излом откроется прямо на границе Зенита и Звездопада. Скоро там начнется бой.

Митея резко отстранилась, её лицо побелело от ужаса.

— Амира, нет! Это слишком опасно, даже не думай, — её голос дрожал. — Ты же знаешь, что там будет. Иверийцы прилетят туда выжигать тварей.

— У нас нет других вариантов, Митея, — я упрямо качнула головой, опираясь о край стола, чтобы подняться с колен. Ноги всё еще слегка подкашивались.

Мы все прекрасно знали, что происходит после таких крупных разрывов. Когда Иверийцы заканчивают битву и Излом закрывается, они сразу покидают это место. Энтропы утаскивают с собой в черные дыры кучу бессмертных воинов, чтобы высасывать из них ценную неоновую кровь. После таких побоищ на опустевшей границе всегда остается куча брошенного добра. Местные гнильщики — обычные люди из трущоб — часто тайно бегали туда, рискуя жизнями. Им строжайше запрещалось пересекать рубежи, но голод заставлял людей идти на этот риск. На поле боя можно было найти обломки дорогого оружия, куски редкого металла Иверийцев или какие-то вещи, которые выпали во время драки. Всё это на черном рынке Серой Гнили стоило огромных денег.

— Мы сможем найти там хоть что-то, — продолжила я, глядя в глаза Митеи. — Какую-нибудь сломанную деталь, кусок брони. Мы обменяем это на еду и ячмень, и нам не придется подыхать с голоду через два дня.

Талия, до этого молча стоявшая рядом, вдруг решительно шагнула вперед.

— Я согласна с Амирой, — твердо сказала она, сжав кулаки. — Наша фасоль сгнила. Терять нам уже практически нечего, а тут такой мощный разрыв. Там сто процентов останется куча ценного хлама. Мы обязаны пойти.

Митея испуганно переводила взгляд с меня на Талию, хватаясь руками за голову.

— Вы с ума сошли? Вы же знаете правила! Если нас поймают на чужой земле без клейма раба — нас убьют на месте без всяких разговоров!

Она была права. Границы между нашими трущобами и великими землями Иверийцев не были обычными заборами. Это были пространственные рубежи, которые пульсировали цветным маревом, предупреждая смертных об опасности. Сделать туда шаг без рабского клейма

означало подписать себе смертный приговор — патрули Высших ловили чужаков в первую же минуту, а законы Сводов карали за такое нарушение немедленной казнью.

— Мы не будем заходить далеко, Митея, — я мягко перехватила её за дрожащие плечи, пытаясь успокоить. — Буквально шаг-два за эту светящуюся линию. Просто осмотримся у самого края, проверим, не валяется ли что-то прямо у границы, и сразу назад. Иверийцы даже не успеют заметить.

Митея тяжело вздохнула, переводя взгляд на дырявый потолок, откуда продолжала капать вода. Она понимала, что выбора действительно нет. Голодная смерть в этих трущобах была такой же реальной, как и ищейки.

— Ладно, — наконец сдалась она, поджимая губы. — Но если я замечу хотя бы один фиолетовый или золотой отблеск в небе — мы бежим назад так, что пятки будут сверкать.

— Договорились, — слабо улыбнулась я. — Нам нужно успеть добраться туда до того, как туман рассеется.

Мы вышли из дома, поплотнее закутавшись в дырявые серые плащи, чтобы хоть как-то защититься от сырости. Идти до границы нужно было несколько часов сквозь самые нищие кварталы Серой Гнили, и с каждым шагом туман вокруг нас становился только плотнее и грязнее.

Я шла чуть впереди, глядя на улицы, в которых мы были вынуждены выживать. Человеческие трущобы выглядели отвратительно. Вдоль узких, затопленных гнилой водой переулков лепились друг к другу покосившиеся бараки, сколоченные из обломков досок, ржавого железа и кусков старой кожи. Вокруг стоял запах тухлой рыбы, нечистот и сырой земли. Из разбитых окон выглядывали бледные, истощенные лица людей. Дети в лохмотьях сидели прямо в грязи, ковыряясь в кучах отходов в надежде найти хоть какую-то корку хлеба. Здесь люди не жили — они медленно гнили заживо, страдая от вечного холода, голода и болезней.

Талия, шедшая рядом со мной, внезапно остановилась и посмотрела на бледную женщину, которая безуспешно пыталась укачать плачущего, больного ребенка на пороге одной из лачуг. В глазах подруги вспыхнула такая злость, что она до хруста сжала кулаки.

— Как же это несправедливо, — тихо, но с бешеной ненавистью процедила Талия, переводя взгляд на меня. — Эти Иверийцы там, в своих дворцах, живут в полной роскоши. Жрут на золоте, купаются в тепле, летают над миром, а мы тут все просто сдыхаем как собаки в грязи. Господи, как я их ненавижу.

— Им плевать, Лия, — отозвалась я, поправляя тяжелую сумку на плече. — Эти бессмертные твари никогда в жизни куском хлеба с нами не поделятся. Мы для них — просто мусор. Гнилой, никчемный скот, который даже не достоин их взгляда.

— Мы для них рабы, которых они скупают на аукционе, как породистых лошадей, — подала голос Митея. Она шла с другой стороны, испуганно озираясь по сторонам и сильнее натягивая капюшон на лоб. — Самое страшное, что многих из тех, кого увозят, через пару лет просто выкидывают обратно. Едва живых. С пустыми глазами и сломанными телами.

— Ну конечно, — зло усмехнулась Талия, перешагивая через глубокую лужу с мазутной пленкой. — Зачем им во дворцах потрепанные и искалеченные игрушки? Им нужны только здоровые, сильные рабы, которые могут пахать на износ. А те, кто уже не выдерживает тяжелой работы, им больше не нужны. Вот они и возвращают их обратно, умирать в это убогое место.

— Самое паршивое, — я остановилась на развилке дорог, оборачиваясь к девчонкам и чувствуя, как под одеждой от быстрой ходьбы заныл рисунок на поясице. — Самое паршивое, что если разобраться в нашей крови течет то же самое. Мы ведь в чем-то точно такие же, как они. Те же символы на коже.

Митея резко затормозила, её глаза испуганно расширились, а голос упал до едва различимого шепота:

— Не говори так, Амира. Никогда так не говори. Неизвестно, что с нами сделают, если кто-то из Высших услышит эти слова и узнает правду о нас.

— Не напоминай мне про Иверийцев, — процедила Талия, перешагивая через глубокую лужу с мазутной пленкой. Её пальцы в дырявых перчатках сжались на рукояти старого ножа. — Они — Высшие. А мы — просто мусор, застрявший посередине между ними и обычными людьми.

— Лия, — Митея испуганно дернула её за рукав плаща. — Мы не просто мусор. Мы чертов парадокс. Обычные люди в Гнили сдыхают от сырости в сорок лет, а мы... Ты же помнишь, что случилось на границе два года назад?

Талия резко замолчала, и на её щеке неестественно натянулись жилы.

Два года назад Излом открылся, и из него вывалилась мелкая, голодная тварь. Обычный человек превратился бы в фарш за секунду, но Талия тогда в панике просто выставила ладони вперед. И Энтроп застыл. Тварь из битых зеркал и дыма хрустнула костями и послушно развернулась назад, в черную пустоту, запечатав за собой дыру. Именно в ту ночь мы поняли, что дикая вспышка трех Лордов во время Великой Войны сделала с нами нечто страшное. Излом расколол ту древнюю силу, намертво вплавив в каждую из нас её осколок.

Но был и другой случай, окончательно превративший нашу жизнь в кошмар. Спустя несколько месяцев после того разлома мы отправились к границе прочесывать каменистые насыпи в поисках уцелевшего металла. Иверийцы незадолго до этого устроили там очередную кровавую междоусобную драку, и вся территория была усыпана обломками доспехов. Пробираясь через густые неоновые заросли, мы случайно наткнулись на кусты, в которых лежал раненый иверийский солдат. Он едва дышал, истекая синеватой кровью.

Митея тогда поддалась глупой человеческой жалости. Визжа от страха внутри себя, она опустилась перед ним на колени и коснулась его разорванной груди. Тея сама не поняла, как это произошло. Её скрытая магия вспыхнула прямо в руке ярким, чистым светом, и на наших глазах смертельная рана воина затянулась за секунду. Кожа восстановилась, а его рваное дыхание выровнялось. Мы застыли в полном шоке, парализованные увиденным чудом. Времени на размышления не было — мы испуганно сорвались с места и быстро сбежали с этого стыка, скрываясь в тумане Гнили, пока спасенный солдат не проснулся и не обнаружил нас.

— Помню, — ответила Талия. — Я укрощаю этих чудовищ, силой мысли заталкивая их обратно под замок Излома. Амира видит их приближение в своих чертовых кошмарах за несколько часов до того, как они разнесут форты. А ты, Тея ты единственная, кто может вылечить смертельно раненых бессмертных. Мы три разные части одного проклятого Выброса. Но это не делает нас Иверийцами. У нас есть сердце, а у них — куски обсидиана в груди.

— Вот поэтому мы заберем этот металл, выживем и продолжим скрываться, — жестко оборвала я их спор, указывая вперед, туда, где грязный туман окрашивался в едва заметный призрачный свет. Если Иверийцы узнают, какие силы скрываются в трех человеческих девчонках из трущоб, нас не просто купят на аукционе. Нас закуют в цепи до конца жизни и заставят служить своим хозяевам до последнего вздоха. Граница близко. Больше ни слова об этом.

Трущобы наконец остались позади, уступая место пустырю, заросшему высокой, жесткой и сухой травой. Она шуршала по нашим плащам, когда мы пробирались сквозь её густые заросли, пока впереди не открылась широкая каменистая поляна.

Прямо посреди неё высился рубеж. Это была уходящая высоко в небо прозрачная стена из чистой магии. Она непрерывно и слабо пульсировала в темноте, отделяя грязную Серую Гниль от великих земель Иверийцев.

Дойдя до края зарослей, мы присели в высокую траву, стараясь не высовываться. Я прищурилась, глядя в каменистую поляну, и мое сердце пропустило удар.

У самой стены кто-то был. Несколько человеческих силуэтов в таких же оборванных плащах, как у нас, суетливо металась по земле, выискивая что-то в камнях.

— Черт, — сквозь зубы выругалась Талия, дернув меня за край капюшона. — Мы опоздали. Это же мародеры из нижних кварталов. Гнильщики уже там.

— Ничего, — тихо ответила я, сжимая ладонями холодную землю. — Мы просто подождем в траве, пока они уйдут. Главное — не высовываться раньше времени.

— Да они же всё заберут! — Талия зло уставилась на прыгающие в темноте силуэты. Её голос дрожал от досады. — Там ни черта ценного не останется, Амира! Они выгребут весь металл до последней крошки, а нам опять жрать тухлую фасоль?

Митея ничего не ответила. Она молча сидела на корточках рядом со мной, обхватив колени руками. Её взгляд был прикован не к мародерам, а к тому, что находилось прямо за светящейся стеной. К той стороне рубежа. К Солярису.

Там, за прозрачным магическим куполом, не было наших серых сумерек. Там круглые сутки царил ослепительный, яростный Зенит. Слепящее солнце застыло в наивысшей точке неба, заливая белые мраморные башни и каньоны Иверийцев безумным, жарким золотым светом. Даже сквозь преграду до нас долетали отголоски этого невыносимого, чужого тепла.

— Наверное, там, у них в Солярисе, есть вообще всё, — произнесла Митея, не отрывая глаз от слепящего света. — Еда, чистая вода, тепло. У них есть всё, что они захотят. А мы тут просто сдыхаем с голода в грязи.

Мы с Талией тоже повернули головы, послушно уставившись туда, за светящуюся черту. Жаркое золото чужого солнца отражалось в наших зрачках, ослепляя и напоминая о том, насколько несправедливо устроен этот сломанный мир Этера.

Я подняла голову, глядя на то, как рубеж уходил высоко вверх, превращаясь в плотный купол Соляриса. Это была не просто стена. Эти великие Своды намертво накрывали каждый регион Этера, изолируя их друг от друга и нависая над нами, как вечные стеклянные крыши. Купол Зенита слепил, выжигая туман на нашей стороне Стыка, и от этого зрелища у меня внутри всё болезненно сжималось.

Талия вдруг тихо и злобно рассмеялась, вырывая меня из мыслей. Её смех прозвучал сухо, как треск ломающихся веток.

— Думаешь, у них там всё так сладко? — она подалась вперед, не отрывая взгляда от сияющих каньонов за стеклом Сводов. В её голосе бурлила чистая ярость. — Да Энтропы кромсают этих тварей веками! Иверийцы могут сколько угодно называть себя богами, но онидохнут на границах Излома точно так же, как и мы. Чудовища жрут их, высасывают их драгоценную неоновую кровь, и никакое золото их от этого не спасает.

Я повернулась к ней и обледенела. Из-за бешеной, клопочущей злости Талия потеряла контроль. Прямо на моих глазах её карие, почти шоколадные глаза начали меняться. Радужка запульсировала, и в ней, сменяя друг друга, дико замерцали три чужих цвета: чернильно-фиолетовая Тьма Затмения, слепящий Свет Зенита и глубокое сапфировое сияние Звездопада. Три осколка магии, запертые внутри неё, рвались наружу.

— Талия, успокойся! — я мертвой хваткой вцепилась в её предплечье, пригибая к земле. — Зажми свои эмоции, черт тебя дери! Ты опять выдаешь нас!

Талия вдохнула, до хруста зажмурилась и замерла, сжимая челюсти. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она медленно выдохнула сквозь зубы и снова открыла глаза. Переливы исчезли. На меня снова смотрели её привычные карие глаза. Она поправила темные, растрепанные волосы, скрывая лицо, и сердито буркнула:

— Да брось, Амира. Тут никого нет, кроме этих жалких мародеров. Кому нас сдавать?

Я промолчала, лишь устало перевела взгляд с неё на Митею.

Мы сидели втроем в густой траве, и я в очередной раз подумала, насколько же мы были разными. Талия — яркая, импульсивная брюнетка с карими глазами. Митея — тихая, хрупкая блондинка с пронзительно-синим взглядом. И я, со своими русыми волосами и вечно устав-

шими зелеными глазами. Нас троих объединяла одна страшная тайна на весь мир, и то, что мы вообще встретились в этой гнилой Серой Гнили, казалось невозможной случайностью.

Наши родители когда-то жили в соседних лачугах, на одной узкой, затапливаемой улице трущоб. И именно туда двадцать три года назад пришла та роковая, вспышка от столкновения сил трех Лордов. Мы родились под этот грохот, одновременно приняв в свои тела ударную волну Излома. Мы были поражены этой силой с первого вдоха.

— Знаешь... — Митея тихо подала голос, продолжая обнимать свои колени. — Если бы Иверийцы были нормальной расой... Если бы они хоть немного помогали людям в Гнили, вместо того чтобы держать нас за скот... Возможно, всё было бы по-другому. Возможно, и мы бы смогли им помочь. Добровольно.

Она повернулась ко мне, и в её синих глазах отразился золотой свет Сводов Соляриса.

— Мы ведь могли бы спасти их мир, — горько шепнула Митея. — Ты, Амира, можешь заранее видеть эти Изломы и предупреждать о прорывах. Я могу исцелять их воинов от смертельных гниющих ран, которые оставляют когти Энтропов. А Талия способна силой мысли укрощать этих тварей, заставляя их застывать и убираться обратно в Излом. Мы — идеальное оружие против монстров. Мы бы пошли к ним сами, если бы они не были такими жестокими ублюдками.

Талия зло сплюнула в траву и поудобнее перехватила нож.

— Да никогда в жизни, — отчеканила она, и её глаза снова опасно потемнели. — Пусть эти твари сгорают в своей гордости. Я пальцем не шевельну, чтобы спасти хоть одного Иверийца. Пусть Энтропы выжрут их до основания.

Я упрямо вглядывалась в темноту через стебли высокой травы, сжимая кулаки до белизны в костяшках. Сейчас меня волновали только гнильщики, которые суетливо копошились у стены. Я молилась лишь об одном: чтобы эти мародеры убрались отсюда как можно скорее. Нам нужно было дождаться, пока они уйдут, и надеяться, что после них на этой поляне останется хоть что-то. Хоть какой-то мелкий обломок металла, застрявший между камней, или утерянная деталь доспехов.

Иначе мы просто не выживем. Иначе через два дня в нашем полуразрушенном доме на окраине Серой Гнили начнется настоящий, мучительный голод.

Глава 2

Ждать пришлось долго. Мы неподвижно сидели в жесткой, колючей траве, едва смея дышать, пока мародеры из нижних кварталов переворачивали каждый камень на каменной поляне. Солнечный зной Соляриса, ломившийся сквозь прозрачный купол, постепенно начал ослабевать, и небо над Стыком снова качнуло в сторону сырой, холодной мглы.

Наконец гнильщики потащили свои набитые мешки прочь. Я внимательно следила за тем, как их темные силуэты медленно растворяются в сером тумане, но руку с плеча Митеи не убирала.

— Подождем еще немного, — тихо, одними губами скомандовала я, удерживая девчонок на месте. — Ищейки или другие мародеры могли затаиться поблизости.

Минуты тянулись как часы. Время шло, поляна окончательно опустела, и тишину нарушал лишь далекий, призрачный гул, исходивший от светящихся рубежей. Когда туман полностью поглотил последние следы гнильщиков, я наконец глубоко вдохнула и поднялась на ноги.

— Идем.

— Наконец-то, — сквозь зубы выдохнула Талия, мгновенно выпрямляясь. Её пальцы все еще упрямо сжимали рукоять ножа.

Мы вышли из укрытия и быстрым шагом направились к границе. Под ногами хрустела мелкая каменная крошка. Чем ближе мы подходили, тем сильнее перед нами росла переливающаяся стена чужого рубежа. Она мерцала неровным, текучим светом, уходя высоко в облака и превращаясь там в грандиозные, непреступные Своды.

В этот момент я особенно остро почувствовала, в какой страшной ловушке мы живем. Наша Серая Гниль была зажата в самом центре Этера, напоминая убогий, бесплодный треугольник на географической карте. Мы находились в каменных тисках: с одной стороны треугольник подпирали мрачный Покров Вечного Затмения Стигии, с другой — сияющий Свод Вечного Зенита Соляриса, а над нами высились парящие скалы Вечного Звездопада Целестии. В самом же низу, под рубежами Иверийцев, раскинулась наша нищая Серая Гниль. Из-за такого соседства ломаные линии границ шли неровно, изгибаясь причудливыми зигзагами.

Сейчас мы вышли к самому острому, аномальному углу нашего треугольника — месту, где соприкасались сразу три рубежа: наша Серая Гниль, Свод Солнца и Свод Звезд. Именно поэтому Излом и случился прямо здесь. Магия двух великих регионов столкнулась на общем стыке, прорвав ткань пространства.

Мы постоянно оборачивались, вглядываясь в серую мглу позади себя, проверяя, не следит ли кто-то за нами. Но поляна была мертва.

Когда до стены остался всего шаг, Талия, даже не притормозив, бесстрашно перешагнула через черту магии.

— Держись рядом, Лия! — испуганно шикнула я, переходя рубеж вслед за ней. — И смотрите в оба.

Я подняла голову вверх и зажмурилась. Мы оказались на территории Соляриса. Прямо над нами, вопреки всем законам природы, вспыхнуло яростное, слепящее солнце. Оно вечно застыло в наивысшей точке этого Свода, мгновенно обрушив на наши плечи тяжелый, сухой зной. Здесь воздух дрожал от жара, а каменная земля под ногами казалась раскаленной плитой.

— Смотрите, здесь настоящее солнце... — прошептала я, стирая выступивший на лбу пот.

Сделав еще буквально три шага вперед, мы уперлись во внутренний стык рубежей. Пространство здесь шло ломаным углом. Я протянула руку, перешагнула еще одну невидимую, слабо пульсирующую преграду в воздухе — и у меня перехватило дыхание.

Жар Соляриса мгновенно испарился. Вместо него мою кожу обдал пронзительный ледяной ветер. Мы сделали всего пару шагов, но над нашими головами вместо слепящего солнца раскинулось глубокое темно-синее ночное небо, по которому непрерывно, расчерчивая темноту хрустальными штрихами, пронеслись падающие звезды. В воздухе медленно кружились крошечные светящиеся частицы. Это были земли Вечного Звездопада.

— Боги, это просто невероятно... — тихо выдохнула Митея, испуганно оборачиваясь назад, где всего в паре метров от нас, за невидимой стеной Свода, продолжало яростно полыхать золотое солнце.

Мы стояли на самом острие Излома, зажатые между солнцем и звездами.

Но нам нельзя было здесь находиться. Каждый вдох на чужой территории приближал нас к смерти. Любой патруль Иверийцев, заметив людей без клейма, выжег бы нас прямо на этих камнях.

— Осматривайтесь быстрее, — приказала я девчонкам, прерывая минутное оцепенение. — Смотрите под ногами. У нас мало времени.

Мы разделились, стараясь не терять друг друга из виду, и начали быстро ходить по каменистой земле. Мы шоркали подошвами старых сапог, разгребали ногами крупные булыжники, заглядывали под обломки скал и тщательно ощупывали сухую, обожженную недавним Изломом траву. С каждым шагом мы проходили всё чуть дальше вперед, углубляясь в опасную зону.

— Талия, не уходи далеко! — крикнула я, заметив, что темный силуэт подруги слишком сильно отдалился в сторону.

— Да твою мать! — яростно огрызнулась Талия, со злостью пнув подвернувшийся под ногу обломок серого гранита. Она резко развернулась ко мне, тяжело дыша. — Тут ни черта нету, Амира! Вообще ничего! Всё уже эти чертовы гнильщики забрали до нас, выгребли подчистую! Мы зря сюда перлись!

Прошло еще какое-то время, и внутри меня всё начало болезненно сжиматься от тяжелого разочарования. Руки опустились. Мы продолжали упорно переворачивать камни, но земля вокруг была абсолютно пустой. Ни единого обломка оружия Иверийцев, ни клочка их брони, ни даже крошечной детали, которую можно было бы продать на черном рынке. Нас ждал голод. Настоящий, удушающий голод в пустом доме, из которого некуда бежать.

И тут тишину разорвал громкий, восторженный возглас Митеи.

— Сюда! — закричала она, отчаянно махая нам рукой. — Скорее, посмотрите, что здесь!

Мы с Талией сорвались с места одновременно. Спотыкаясь о камни и задыхаясь от быстрого бега, мы подлетели к Митее. Она сидела на коленях в глубокой расщелине между скалами, а её синие глаза дико блестели. В её дрожащих, испачканных в сажу ладонях лежало то, за что в Серой Гнили могли без раздумий перерезать горло целой семье.

Это была драгоценность. Массивное, явно мужское украшение на шею, созданное из тяжелого, холодного металла. Вещь была сделана настолько искусно: вдоль всего украшения шли тонкие, четкие линии, в которых застыли крошечные, едва заметные золотые крупички. Очевидно, во время жестокой драки с Энтропами один из Высших Иверийцев потерял свой личный дорогой амулет, и он по счастливой случайности свалился прямо в эту глубокую щель, куда мародеры просто не догадались заглянуть.

— О боги, — Талия упала на колени рядом с Митеей, завороченно уставившись на темный металл. На её бледном лице впервые за весь день появилась улыбка. — Это же это, наверное, стоит целую кучу золотых монет. Амира, ты понимаешь?! Неужели нам могло так повезти? Нам этого хватит не то что на ячмень, мы сможем безбедно жить несколько месяцев!

Я протянула дрожащую руку и осторожно взяла тяжелую драгоценность из ладоней Митеи. Темный металл оказался неестественно холодным, почти ледяным, несмотря на то, что лежал на солнечной стороне Соляриса. Внутренние золотые линии на нем слабо дрожали, будто вещь была живой.

— Надо уходить, — мой голос прозвучал глухо и резко.

Я быстро сунула украшение Митее. Та сразу спрятала его на самое дно своей холщовой сумки и засыпала сверху грязными тряпками.

— Нам повезло, но если нас поймают здесь с вещью Высшего нас не просто убьют. За такое воровство сдерут кожу живьем.

— Амира права, убираемся, — Талия рванула ворот своего плаща, тяжело дыша от волнения. — Мы получили то, зачем пришли. Возвращаемся в Гниль.

Мы развернулись, собираясь броситься назад, к спасительной светящейся линии нашего треугольника Стыка.

Но сделать первый шаг мы не успели.

Воздух над каменистой поляной вдруг со страшным, свистящим грохотом уплотнился, заставив уши заложить от резкого перепада давления. Пространство пошло ломаными волнами, как искаженная линза, и все мелкие камни, сухие ветки и пыль вокруг наших сапог оторвались от земли, лениво взлетая вверх.

В небесах над поляной медленно выплыл огромный экипаж из чёрного серебра. Такие кареты были только у Лордов. Его колёса не касались земли. Вокруг них дрожал воздух, а по камням под нами побежали тонкие трещины. За экипажем тянулся след мерцающей пыли, которая не оседала на землю, а растворялась прямо в воздухе.

Это была личная гвардия правителя. В Серо-Гниль прибыл сам Лорд Вечного Звездопада.

— Бежим! — закричала я, срывая голос от ужаса.

Мы рванули с места одновременно, даже не оглядываясь. Животный страх придал сил, и мы полетели по каменистому полю обратно, в сторону родной Серой Гнили, стремясь как можно скорее пересечь мерцающую черту рубежа. Ноги скользили по острым камням, плащи дико развевались на ветру, а легкие обжигало морозным воздухом Звездопада.

Я на секунду обернулась на бегу. Карета Лорда осталась где-то там, позади, паря над расщелиной, но её грозный силуэт всё еще отчетливо проглядывал сквозь туман.

Мы со свистом ворвались в заросли высокой, жесткой травы. Кусты хлестали по лицу, ветки цеплялись за одежду, безжалостно раздирая кожу.

— Быстрее! — задыхаясь, кричала Талия где-то справа от меня. Её темные волосы растрепались, а лицо было бледным как мел. — Быстрее, твою мать! Если нас поймают здесь — это верная смерть! Нас убьют на месте!

Мы бежали без оглядки, не чувствуя под собой ног. Сердце бешено колотилось в груди, готовое вот-вот пробить ребра. Мы перелетели через линию купола, возвращаясь на свою, человеческую сторону Стыка, но останавливаться не смели. Мы бежали до тех пор, пока каменистая поляна окончательно не исчезла из виду, уступая место первым грязным, кривым закоулкам наших трущоб.

Кварталы Серой Гнили встретили нас привычной сыростью и вонью нечистот, но туман здесь был настолько плотным, что дарил хоть какую-то надежду скрыться.

— Туда! — на бегу хрипло крикнула Митея, указывая вперед на полуразрушенную, покосившуюся лачугу. — Туда, за угол! Там можно спрятаться!

Мы проскочили мимо заваленных мусором стен и буквально влетели внутрь старого заброшенного дома. Внутри пахло гнилым деревом и застоявшейся дождевой водой, крыша наполовину обвалилась, засыпав пол обломками досок и битой черепицы. Талия с размаху

захлопнула хлипкую деревянную дверь и навалилась на неё спиной, тяжело, со свистом хватая ртом воздух. Митея мешком осела в темный угол, прижимая сумку к груди.

Я стояла посреди заброшенной комнаты, не в силах унять дрожь во всем теле. Опираясь руками о колени, я пыталась сделать хоть один нормальный вдох.

В полумраке трущобы я подняла голову и посмотрела на подруг.

От сильных, захлестнувших нас эмоций и дикого страха наша скрытая природа снова начала бесконтрольно прорываться наружу, делая магию видимой. У Митеи вокруг её зрачков, прямо внутри радужки, вспыхнуло то самое разноцветное кольцо — переливающееся чернильно-фиолетовым, золотым и сапфировым светом.

Я перевела взгляд на Талию — её карие глаза горели точно так же, радужка безумно дрожала, выдавая чужие, запертые внутри неё цвета Иверийцев.

Прижав ладонь к собственной груди, я поняла, что и у меня перед глазами всё плывет от разноцветного марева. Мой собственный зеленый взгляд сейчас переливался искрами, выдавая нас с потрохами. Каждая из нас горела этой проклятой аномалией, от которой невозможно было скрыться.

Талия вдруг тихо посмеялась, утирая пот со лба дрожащей рукой. Она всё еще тяжело дышала, а её грудь под мокрой майкой высоко вздымалась.

— Бездна мы чуть не попались, — выдохнула она, откидывая голову назад и прижимаясь затылком к хлипкой деревянной двери.

— Это не смешно, Талия! — резко оборвала я её, и мой голос сорвался от остатков пережитого ужаса. — Они бы нас не пожалели. Ты прекрасно знаешь правила. За то, что мы переступили их земли без рабской метки, нас бы выжгли прямо на тех камнях.

Талия устало вздохнула, примирительно выставив ладони вперед. Разноцветное кольцо в её карих глазах наконец-то начало медленно угасать, возвращая ей обычный взгляд.

— Ладно, ладно, Амира, хватит ругаться, — буркнула она, сползая спиной по двери прямо на грязный пол. — Главное — что мы успели сбежать. Мы в Гнили, и мы целы.

Из темного угла комнаты плавно поднялась Митея. Её синие глаза больше не светились чужой магией, а лицо казалось спокойным и собранным. Она медленно запустила руку в свою сумку и вытащила оттуда ту самую массивную драгоценность с золотыми линиями, которую мы нашли в расщелине.

Митея подняла украшение вверх, перехватив его за тяжелую цепочку. В полумраке заброшенной лачуги темный металл таинственно блеснул, отражая редкие капли воды, падающие с обвалившейся крыши.

— Зато мы теперь спокойно проживем несколько месяцев, — твердо произнесла Митея, и на её губах появилась облегченная улыбка. — Нам хватит и на муку, и на мясо, и крышу подлатаем.

Мы с Талией переглянулись. Страх, который еще секунду назад сжимал горло железными тисками, наконец-то отступил. Напряжение в комнате лопнуло. Глядя на тяжелый черный металл в руках Митеи, мы не выдержали и тоже слабо, но искренне улыбнулись друг другу. Мы выжили. И на этот раз Гниль нас защитила.

— Ладно, надо валить отсюда, — прервала я тишину.

Мы цепочкой потянулись к выходу, но стоило Талии приоткрыть хлипкую деревянную дверь, как Серая Гниль в очередной раз напомнила, за что мы её проклинали.

Погода изменилась мгновенно, без всякого предупреждения. Плотный багровый туман Соляриса, который только что душил нас жаром, со свистом всосался обратно в землю. Пространство вокруг резко потемнело, затягиваясь непроглядной, чернильной мглой. Своды над нашей головой качнулись, и на трущобы упала удушливая, ледяная фаза Стигии — крошечная, слепая ночь, в которой невозможно было разглядеть собственную ладонь.

— Ненавижу эту Гниль! — злобно сплюнула Талия, резко захлопывая дверь обратно. — Постоянно эта херня. То у нас вечное затмение Стигии, то вечный зенит расплавленного солнца Соляриса, то вечные мерцающие звезды Целестии. Никакой стабильности, черт бы их всех побрал.

— Мы не дойдем до дома в такую темноту, — покачала головой Митея, испуганно вглядываясь в щели заколоченного окна. — Нас либо в канаву занесет, либо местные бандиты в подворотне прирежут.

— Ладно, остаемся здесь, — я вздохнула и устало опустилась на перекошенную обломками балку. — Подождем тут, пока фаза не сменится. Ночь Стигии долго над Стыком не держится, скоро туман снова поползет.

Мы зашли поглубже в заброшенную комнату и сели на кучу старой, трухлявой соломы. Холод забирался под плащи, заставляя нас прижиматься друг к другу.

— Нам надо будет как-нибудь аккуратно продать эту нашу драгоценность, — заговорила я, обхватив колени руками. — Вы же прекрасно знаете, что на нижнем рынке её могут просто отобрать. Стоит кому-то из местных барыг увидеть металл Высших — нас сдадут или прирежут прямо у прилавка.

— Я знаю одних скупщиков краденого в третьем секторе, — отозвалась Талия, крутя в руках свой нож. — Вроде они не обманщики. Своих, из Гнили, редко дурят.

— Надо быть точно уверенными, — нахмурилась я. — Нам нельзя рисковать. Чтобы наши же гнильщики нас не обобрали, а то останемся ни с чем после такого риска.

— Я слышала, что скоро аукцион, — тихо произнесла Митея, глядя в темноту.

— Вот почему Лорд Целестии лично парил на границе Гнили, — пазл в моей голове наконец-то сошелся. — Черт, нашему куску земли даже нормального названия не дали. Просто Серая Гниль.

Талия глухо и цинично хмыкнула в темноте:

— А зачем нам название, Амира? Если здесь одна гниль, падальщики и люди, которые еле выживают от голода. Для Иверийцев это просто сточная канава.

— Так вот, насчет аукциона, — настойчиво перебила её Митея. — Нам надо быть очень осторожными. Я слышала на рынке, что Ищейки опять похищают людей прямо с улиц.

— Неужели это какой-то огромный аукцион? — я нахмурилась, вспоминая рассказы старожил. — Раньше ведь многие люди сами, добровольно шли на эти торги. Половина Гнили рассчитывала, что если их выкупят, то Лорды будут нормально с ними обращаться, и это шанс уехать отсюда, не подохнув с голоду.

— В этот раз всё хуже, — вздохнула Митея. — Я слышала, что сам Лорд Целестии — будет лично присутствовать на этих торгах. Ему зачем-то понадобились новые рабы во дворец. Поэтому Ищейки хотят устроить грандиозный аукцион, и им прямо сейчас нужен нормальный, здоровый товар. Они хватают всех подряд, без разбора.

— Бездна — выругалась Талия, и её карие глаза в полумраке снова на секунду тревожно блеснули. — Значит, нам надо быть тише воды, ниже травы. Если нас скрутят Ищейки, то даже наше сокровище в сумке нас не спасет.

Я прекрасно понимала, что хоть мы и живем в этой проклятой Гнили, где у нас нет вообще ничего, природа наградила нас редкой красотой. И сейчас, в преддверии большого аукциона, внешность была нашим главным проклятием.

Ищейки всегда выбирали самый лучший, здоровый и красивый товар для Лордов и Высших, а значит, мы все три были первыми в зоне риска. Ни одна из нас не смогла бы затеряться в толпе. Но самое худшее это, конечно же, наша общая тайна. Та правда, которую мы скрывали от всего мира и особенно от Иверийцев. Если нас поймают Ищейки и бросят в клетки, если мы попадем в рабство во дворцы — эта правда вскроется в первые же дни. Они увидят наши магические рисунки на телах, и тогда нам конец.

— Значит так, — твердо сказала я, прерывая затянувшееся молчание. — Пока в Гнили идет подготовка к этому аукциону, мы носа на улицу не высунем. Сидим дома. Завтра на рассвете мы тайно попробуем продать нашу находку скупщикам, на все деньги купим муку, вяленое мясо, крупу и наглухо закроемся в четырех стенах. Будем сидеть там тише мышей, пока Иверийцы не заберут свой товар и не уберутся обратно за свои Своды.

Талия молча кивнула, соглашаясь, а Митея крепче прижала к себе сумку с украшением. Нам оставалось только ждать, когда ночь Стигии наконец отступит.

Глава 3

На следующее утро фаза неба снова сменилась, но легче от этого не стало. Над Серой Гнилью раскинулся унылый рассвет, а воздух пропитался липким, удушливым туманом.

Мы решили пойти на рынок в третий сектор вместе. Оставлять кого-то в полуразрушенном доме было глупо, а втроем мы представляли собой хоть какую-то силу и могли постоять за себя, если на нас наткнутся местные бандиты. Поплотнее затянув шнурки на старых сапогах и натянув капюшоны плащей до самого носа, мы вышли на улицу.

Дорога к рынку пролегла через самые нищие, гнилые кварталы. Серая Гниль при дневном свете выглядела еще более зловеще. Мы быстро шли мимо покосившихся лачуг, стены которых были покрыты склизким мхом. Из щелей в заколоченных дверях несло гнилью, нечистотами и застарелым человеческим потом. Люди здесь не жили, они влачили жалкое существование: истощенные мужчины с серыми лицами сидели прямо на порогах в лужах грязной воды, безразлично глядя перед собой пустующими глазами, а женщины в лохмотьях пытались согреть убогие костры из сырых веток. Бездарный, давящий голод и нищета стояли здесь в каждом углу, душая сильнее любого тумана.

Когда мы наконец зашли на рынок третьего сектора, в уши ударил яростный гул сотен голосов. Там творился настоящий кошмар. Огромная, оборванная толпа гнильщиков металась между кривыми деревянными прилавками. Привокзальная площадь дышала отчаянием. Торговцы яростно орали, пытались сбыть черт пойми что, но нормальной еды здесь попросту не продавалось. На прилавках лежала сморщенная, покрытая серой плесенью крупа, черные тухлые корнеплоды и заветренное, воняющее тухлятиной мясо, вокруг которого роем вились жирные мухи.

— Дай кусок хлеба! Смилуйся, ради богов, дети третий день не ели! — умоляла какая-то бледная, похожая на живой скелет женщина, хватая за край плаща толстого торговца. Тот лишь с мерзкой бранью отпихнул её сапогом в грязь.

Люди дрались за каждую гнилую луковицу, кричали, торговались за паршивые медяки, умоляли о пощаде. От этого зрелища у меня внутри всё переворачивалось. Нами двигал точно такой же голод. Мы были готовы на всё, чтобы прокормить себя и выжить в этом аду.

— Вон они, — произнесла Талия, кивнув головой в сторону самого дальнего, темного угла рынка.

Там, под рваным навесом из грязного брезента, стояли двое скупщиков.

— Талия, ты точно им доверяешь? — я схватила подругу за руку, заставляя чуть притормозить у края толпы.

— Я один раз уже продавала им кусок ценного металла, который нашла у Сводов, — тихо, но уверенно ответила Талия. — Они меня тогда не обманули и дали честную цену. Своих они редко кидают.

— Всё равно надо быть начеку, — Митея испуганно оглядывалась по сторонам, то и дело вжимая голову в плечи. Её синие глаза испуганно бегали по лицам прохожих. — На нас могут навести местных бандитов.

— Ладно, черт с ним, идем, — выдохнула я, крепче сжав кулаки. — У нас всё равно нет выбора.

Мы двинулись сквозь толпу к навесу. Когда мы подошли ближе, Митея тихо ахнула и в ужасе отступила на полшага.

— Боже, какие они отвратительные — едва слышно прошептала она. — Они точно нас не прирежут, как только мы вытащим нашу находку?

Мужики и впрямь выглядели жутко. Крупные, грязные, в кожаных жилетах прямо на голое тело, с заросшими щетиной лицами и сальными волосами. На руках у одного из них чернели шрамы от старых ожогов, а из-под ногтей виднелась грязь. Они цинично провожали взглядами каждого прохожего, лениво перебирая на столе обломки ржавого железа.

Талия, не говоря ни слова, незаметно запустила руку под свой плащ. Я краем глаза увидела, как её пальцы намертво легли на рукоять ножа, слегка вытащив лезвие из ножен. На её шее натянулись жилы.

— Я готова на всё, Амира, — шепнула Талия мне в самое ухо. — Но наше сокровище я им просто так не отдам. Отрежу пальцы любому, кто потянется к сумке.

— Митея, держи украшение при себе, на самом дне, — быстро скомандовала я. — Сперва мы попробуем договориться на словах, и только после этого покажем, что у нас есть. Не вздумай доставать его раньше времени.

Митея послушно кивнула, прижимая локтем холщовую сумку к боку. Мы сделали последние шаги и остановились прямо перед прилавком.

Скупщики тут же оторвались от своего железа. Один из них, с гнилыми желтыми зубами, окинул нас масляным, оценивающим взглядом с ног до головы, задерживаясь на наших фигурах.

— Ого... — мерзко ухмыльнулся он, скрестив руки на широкой груди. — Ничего себе, какие девки к нам забрели. Что под капюшонами прячете, красотки?

Не успела я среагировать, как он резко вытянул свою грязную, массивную пятерню вперед, пытаясь сорвать капюшон с моей головы.

Я резко отшатнулась назад, с силой хлопнув его по запястью.

— Руки свои убери! — зло выплюнула я, в упор глядя на него из-под ткани.

Мужик не разозлился, он лишь довольно заржал, обнажая десны.

— У-у-у, люблю таких... зубастых. Ну и чего вам надо на моем прилавке, дикие кошечки?

Вперед решительно выступила Талия, загораживая меня своим плечом. Руку из-под плаща она так и не достала.

— Мы тут по делу, — отчеканила она, глядя скупщику прямо в глаза со всей своей врожденной жесткостью. — Принесли серьезный товар из высших земель. Если вас не интересует — мы прямо сейчас разворачиваемся и уходим.

Второй скупщик, который до этого молчал, внимательно посмотрел на Талию, очевидно узнав её. Ухмылка с лица первого мужика мгновенно сползла, сменившись деловой сосредоточенностью.

— Ладно, — буркнул он, наклоняясь ближе к прилавку и понижая голос. — Говори, что у тебя там. Или показывай. Живо.

Я сделала полшага вперед, слегка отодвигая Талию, и издевательски посмеялась ему прямо в лицо.

— Не так быстро, приятель, — холодно отрезала я. — Сперва мы хотим знать твою максимальную цену за чистый обсидиан. Назови цифру, а потом мы решим, стоит ли тебе вообще открывать глаза.

Скупщик лениво сплюнул сквозь щель в желтых зубах и поскреб грязную щетину на подбородке. Его взгляд стал еще более хитрым и цепким.

— Всё зависит от веса и размера, девка, — пробасил он, бросая на прилавок тяжелый ржавый замок. — Обсидиан бывает разным. Показывай, что там у тебя, тогда и поговорим о монетах.

— Щас, разбежался, — я сделала шаг назад, плотнее прижимаясь плечом к Митее. — Мы не покажем тебе товар, пока не будем уверены, что у тебя вообще есть чем платить. Сперва покажи монеты, а потом увидишь вещь. Она размером примерно с твою ладонь. Тяжелая. Внутри золотые жилы.

Мужик на секунду замер. Глаза у него округлились, а второй скупщик даже перестал перебирать свое железо. Названный размер явно заставил их прикусить языки. Обсидиановый амулет такого размера стоил целое состояние. Скупщик нахмурился, быстро соображая в уме, а потом неохотно буркнул:

— Тридцать серебряных монет. И ни медяком больше.

— Какого черта так мало?! — со злостью рявкнула Талия, подаваясь вперед. Рука под её плащом опасно дернулась на рукояти ножа. — Ты совсем ополоумел, старик? Эта вещь принадлежит Высшему Иверийцу, она стоит в пять, в десять раз дороже! Тридцать монет — это сущие гроши за такое золото!

Скупщик хрипло и мерзко рассмеялся, ни капли не испугавшись её напора.

— Ну так идите и поищите других скупщиков, красотки, — издевательски протянул он, разводя руками. — Если, конечно, не боитесь, что в соседнем квартале вам просто перережут глотки и отберут эту побрякушку. Моя цена — тридцать серебряных. Либо вы соглашаетесь прямо сейчас, либо убирайтесь отсюда к чертовой матери. Я дважды не предлагаю.

Я стиснула зубы от бессильной ярости и сделала пару шагов назад, увлекая за собой девочку. Мы сгрудились в плотное кольцо, повернувшись спиной к прилавку, чтобы мужики не слышали наш шепот.

— Семьдесят! Давай хотя бы семьдесят потребуем! — зашептала я, но Талия испуганно перехватила мой взгляд.

— Амира, у нас нет других вариантов, — произнесла Талия. Её карие глаза умоляюще смотрели на меня из-под капюшона. — Других надежных скупщиков в третьем секторе я не знаю. Искать кого-то еще на этом рынке — огромный риск. Нас сто процентов обманут, выследят в подворотне и просто заберут это украшение. Мы останемся с пустыми руками и перерезанным горлом.

— Но этих денег нам даже на месяц нормально не хватит! — в отчаянии выдохнула я, сжимая кулаки. — Нам нужно подлатать крышу, купить зимние плащи, запастись мукой... Тридцать монет — это капля в море!

— Ну, мы что-нибудь потом придумаем, Амира, — Митея мягко коснулась моей руки. Она испуганно посмотрела через мое плечо на бурлящий, голодный рынок, где люди дрались за куски тухлого мяса. — Хотя бы сейчас... хотя бы на эти недели мы будем сыты. Я больше не могу видеть эту гнилую фасоль. Пожалуйста. Давай согласимся.

Я посмотрела на бледное лицо Митеи, потом на Талию. Безысходность Гнили душила нас, не оставляя выбора. Скупщик знал, что мы приперты к стене, и цинично пользовался этим.

— Ладно, — выдохнула я, с трудом сглатывая ком в горле. — Другого варианта у нас всё равно нет.

Мы развернулись и снова подошли к брезентовому навесу. Мужик уже победно ухмылялся, прекрасно зная, что мы вернемся.

— Согласны, — твердо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Доставай и показывай монеты.

Скупщик удовлетворенно кивнул и залез рукой под прилавок. С тяжелым звоном он выставил на деревянную доску толстый кожаный кошелек. Развязав шнурок, он высыпал горсть тускло поблескивающих монет.

Митея аккуратно залезла в свою сумку, стараясь не привлекать лишнего внимания соседей, и выудила оттуда тяжелое украшение, завернутое в грязную тряпку. Обмен произошел мгновенно. Металл исчез в грязных руках скупщика, а я быстрым движением сгрэбла всё серебро в кулак и спрятала глубоко в потайной внутренней карман своего плаща. Монеты приятно и тяжело потянули ткань вниз.

Митея облегченно выдохнула и впервые за утро слабо, но счастливо улыбнулась.

— Теперь мы наконец-то можем купить нормальной еды, — произнесла она, поправляя капюшон.

— Ага, — хмуро бросила Талия, разворачиваясь к выходу с рынка. — Вот только покупать мы её будем точно не на этом проклятом рынке. Уходим отсюда, пока эти двое не передумали или не натравили на нас ищеек.

Мы быстро двинулись сквозь толпу, стремясь как можно скорее покинуть шумную площадь третьего сектора.

— Во втором секторе у старого Одена можно взять чистую муку и хорошую ячменную крупу, — заговорила Талия, когда мы наконец выбрались из душливой толпы рынка и свернули в более тихий, туманный переулочек. — Мясо и рыбу в Гнили брать вообще нельзя, они все равно гнилые, только отравимся. Будем готовить сами. Нам не привыкать жить на кашах и лепешках, зато без тухлятины.

— Хорошо, идем туда, — согласилась я, прижимая ладонь к потайному карману плаща, где приятно и тяжело звякало наше серебро.

Мы поспешили во второй сектор, стараясь не привлекать к себе внимания редких прохожих. У Одена нам действительно повезло: старик не стал завышать цену. Мы купили два больших мешка хорошей, сухой муки, плотный мешок овсяной крупы, немного соли и даже кусок сушеного бараньего жира для сытости. Талия и Митея подхватили мешки, и мы быстрыми перебежками, выбирая самые глухие и заброшенные тропы, направились обратно к своей окраине. Страх наткнуться на патруль Ищеек гнал нас вперед быстрее любого ветра.

Когда мы наконец переступили порог дома и заперли хлипкую дверь на все засовы, внутри нас будто что-то отпустило. Впервые за долгое время в нашей сырой, полуразрушенной кухне запахло настоящей, чистой едой. Митея тут же принялась раздувать угли в треснувшей плите, а Талия принялась месить тесто на чистой воде.

Вскоре в глиняном горшке весело заклокотала густая ячменная каша, сдобренная кусочком жира, а на раскаленной каменной плите запеклись первые пресные лепешки. Митея сидела у огня, обхватив колени руками, и на её бледном лице блуждала мягкая, по-детски счастливая улыбка. Тяжелый, сытный пар заполнял комнату, вытесняя привычный запах болотной плесени Серой Гнили.

Когда всё было готово, мы разложили дымящуюся кашу по щербатым мискам и сели за наш старый, перемотанный кожаными ремнями стол.

Митея первая потянулась к еде. Она аккуратно взяла деревянную ложку, зачерпнула немного каши, подула на неё и отправила в рот. Её синие глаза зажмурились от удовольствия.

— Боже... как вкусно, — с придыханием выдохнула она, блаженно прижимая ладонь к груди.

Талия хмыкнула, отламывая кусок горячей лепешки. Её карие глаза посветлели, хотя в голосе всё еще проскальзывала привычная горькая ирония:

— Да уж. Иверийцы во дворцах точно посмеялись бы над нами. От обычной пустой каши мы тут стонем так, будто это какой-то деликатес со стола самого Лорда. Они-то там жрут фрукты и пьют нектар.

Я тоже взяла свою ложку, медленно перемешала горячее варево, но есть не торопилась. Я подняла глаза и по очереди посмотрела на девчонку. На Митею, которая с аппетитом уплетала кашу, на Талию, жующую лепешку. Они были такими красивыми, такими сильными и такими обреченными.

Тоскливый ком снова подкатил к горлу, мешая сделать глоток.

— Неужели... неужели вот так и пройдет вся наша жизнь? — тихо, с болью в голосе спросила я, глядя на подругу. — В этих четырех стенах, в вечном страхе, радуясь горстке чистой крупы?

Талия опустила лепешку на стол. В её взгляде больше не было злости — только бесконечная усталость выживания.

— Это не жизнь, Амира, — ответила Талия, в упор глядя на меня. — Мы просто день за днем отвоевываем у этой Гнили право не сдохнуть до следующего рассвета.

Митея тяжело вздохнула, опустив голову. Её светлые волосы упали на лицо, скрывая глаза, а плечи хрупко дрогнули.

— А других вариантов у нас всё равно нету, — тихо, почти шепотом произнесла она, глядя в свою миску. — Мы родились здесь. Мы заперты под этими Сводами. И пока Лорды правят миром, для нас ничего не изменится.

— Если Этер когда-нибудь и изменится, то это будет чудо, — ответила я, нарушая тяжелое молчание. — А в чудеса в Серой Гнили не верит никто.

Разговор угас, оставив после себя лишь горький привкус безысходности, но горячая ячменная каша и свежие лепешки быстро вернули нам физические силы. Мы ели медленно, сосредоточенно, выскребая деревянными ложками дно глиняной посуды дочиста, словно пытались наесться на несколько месяцев вперед. Когда с ужином было покончено, на душе стало немного теплее — по крайней мере, сытый желудок заглушал вечную тревогу.

Спустя час мы разошлись по своим углам. Комнат в нашей покосившейся лачуге было всего две: в одной, совсем крошечной, ютились Митея и Талия, деля на двоих узкую кровать с продавленным матрасом, а вторая — проходная, служившая одновременно и гостиной, и моей спальней — принадлежала мне. Из мебели здесь стояли только старый сундук, набитый ветошью, да топчан, укрытый потертым шерстяным одеялом.

Я легла, не раздеваясь, прямо в плаще, и устала в темноту, прислушиваясь к звукам трущоб за окном.

Прошло несколько часов. Вокруг стояла тишина. Но в Серой Гнили покой никогда не длился долго.

Воздух в комнате резко похолодел, заставив меня вздрогнуть. Погода на Стыке снова крутанулась на сто восемьдесят градусов. Зной Соляриса окончательно испарился, и на трущобы лавиной рухнула ледяная ночь Стигии. А еще через мгновение над головой оглушительно загрохотало, и на крышу со страшной силой обрушился дождь.

Сверху раздался противный, хлопающий звук.

— Черт! Амира! Гниль задери эту крышу! — из соседней комнаты с криком выскочила Талия, на ходу вытирая мокрое лицо. — Стену заливают!

Я сорвалась с топчана так, словно меня подбросило пружиной. Из спальни тут же выбежала заспанная, взъерошенная Митея, испуганно вжимая голову в плечи. Прямо над нашей кухонной плитой, сквозь старую дыру в гнилых балках, хлынул настоящий водопад. Потoki ледяной воды с грохотом лупили по каменным плитам пола, брызги летели во все стороны, мгновенно затапливая сухие мешки с мукой и крупой, которые мы с таким трудом притащили вечером.

— Мешки! Талия, перетаскивай мешки к сундуку, быстро! — заорала я, перекрикивая рев ливня за стеной. — Митея, тащи старый брезент и лестницу! Иначе нас тут к утру смоеет на хрен!

В доме начался настоящий хаос. Мы носились по темной, заливаемой дождем кухне, скользя босыми ногами по мокрому камню, ругаясь последними словами и проклиная всех Иверийцев с их чертовыми Сводами.

— Твою мать, Оден подсунул нам дырявую завязку на мешке! — шипела Талия, пытаясь уволочь тяжелую муку в сухой угол под матерные проклятия.

Я взобралась на шаткую, скрипящую стремянку прямо под струи ледяной воды, отчаянно пытаясь заколотить рваную дыру куском старой кожи и обломком доски. Руки мгновенно окоченели, пальцы не слушались, а молоток то и дело соскальзывал с ржавых гвоздей.

— Сильнее прижимай, Тея! — кричала я вниз Митее, которая изо всех сил удерживала основание хлипкой лестницы, пока её волосы полностью промокли и облепили лицо.

— Я держу! Забивай уже быстрее, Амира, я сейчас пальцев ног чувствовать перестану! — хрипела в ответ Митея, утирая ледяные капли со щек.

Мы возились в этой темноте, посреди ледяного потопа, промокшие до нитки и злые на весь мир, отчаянно латая свое убогое жилище. Мы ругались, кричали друг на друга, срывая голос, но упрямо забивали гвоздь за гвоздем, намертво удерживая оборону против проклятого неба Этера.

Глава 4

Я проснулась от того, что в лицо сквозь дырявый пузырь на окне ударил блеклый, серый свет. Тело ныло так, словно меня всю ночь били палками. После того сумасшедшего полуночного потопа, когда мы втроем до хрипа орали друг на друга и в крошечной темноте латали гнилую крышу, я вернулась на свой топчан и просто вырубилась. Сон был тяжелым, глубоким и без сновидений — я спала настолько крепко, что не слышала абсолютно ничего вокруг.

Кое-как поднявшись, я натянула плащ и, потирая затекшую шею, заглянула в соседнюю комнату.

Митея уже не спала. Блондинка сидела на краю продавленной кровати, методично расчесывая пальцами свои спутанные волосы. В комнате было подозрительно тихо. Я огляделась по сторонам, нахмурилась и перевела взгляд на подругу.

— Где Талия?

Митея вздрогнула от моего голоса и подняла на меня свои глаза.

— Она ушла. Уже пару часов назад.

— Какого черта?! — внутри меня мгновенно вспыхнула злость пополам с диким страхом. Я сделала шаг в комнату, сжимая кулаки. — Я же ясно сказала вчера: из дома носа не высовывать! На улицах облавы! Ищейки рыщут в поисках товара!

— Я пыталась её остановить, Амира, — испуганно зашептала Митея, оправдываясь. — Но она уперлась и всё. Сказала, что выйдет буквально на пару часов. Мол, она обещала встретиться с Джасом.

У меня перехватило дыхание от возмущения. Джас. Местный парень из соседнего квартала. Тихий, бродячий парень, который вечно терся возле наших лачуг.

— Она рискует собственной жизнью ради того, чтобы провести время с этим странным типом? — я в отчаянии всплеснула руками. — Она с ума сошла?

В этот самый момент в прихожей раздался резкий скрежет. Дверной засов с тихим стуком отодвинулся, и деревянная дверь приоткрылась.

Я коршуном бросилась в коридор. На пороге стояла Талия. Она как раз стягивала с головы мокрый капюшон, её глаза округлились, когда она увидела моё перекошенное от гнева лицо.

— Талия, неужели твоя встреча с Джасом не могла подождать окончания этого чертова аукциона? — с порога накинулась я на неё, заставляя подругу вздрогнуть.

— Хорошо тебе, Амира, ничего страшного не случилось, — Талия попыталась беззаботно отмахнуться, проходя мимо меня на кухню, но руки её заметно дрожали. — Я же недалеко вышла. Буквально в соседний сектор, на пару часов. Никаких Ищеек там и близко не было.

— Мне не нравится этот парень, Лия, и ты это прекрасно знаешь, — я пошла за ней по пятам, не собираясь остывать. — Его симпатия к тебе... Всё это не вовремя. Он не тот человек, который должен быть рядом с тобой, особенно сейчас, когда все переворачивают вверх дном!

Талия резко остановилась у стола и обернулась ко мне. Её взгляд стал упрямым, а на бледных щеках проступил румянец.

— Амира, ты же знаешь, что он мне нравится, — тихо, но твердо перебила она меня. — И дело вообще не в симпатии. Джас просил о помощи. У него сейчас серьезные проблемы, дома шаром покати. Я просто... я ходила поделиться с ним нашей крупой. Отсыпала немного из мешка.

— Ты могла бы сделать это после аукциона! — воскликнула я, чувствуя, как от бессилия на глаза наворачиваются слезы. — Буквально на днях здесь начнется ад, Иверийцы приедут за

рабами, Ишейки хватают всех красивых девчонок без разбора! А ты разгуливаешь по Гнили с мешками зерна!

— Амира! — Талия сделала шаг ко мне, и в её голосе вдруг зазвенели слезы и ответная, горькая обида. — Когда мы втроем три недели назад заживо умирали здесь с голода... Когда у нас не было ни единого медяка, а фасоль сгнила... Джас был первым и единственным во всей этой проклятой Гнили, кто пришел к нам! Он молча отдал нам свои запасы, просто чтобы мы выжили! Теперь у него самого точно такая же беда. И я не собираюсь крысить еду, пока он там голодает. Я просто помогла ему в ответ.

Её слова ударили меня под дых. Я замолчала, выдохнув сквозь сцепленные зубы. Возразить было нечего. Джас действительно тогда нас спас, нарушив волчий закон Серой Гнили, где каждый был сам за себя.

Я опустила голову, с трудом сдерживая kloкочущий в груди страх, и провела ладонью по лицу. Она была права, но от этого ситуация не становилась менее опасной.

— Пусть так, — произнесла я, поднимая на неё уставший взгляд. — Но, пожалуйста, Лия... Пообещай мне, что больше ты туда не пойдешь. С этого момента мы наглухо закрываемся в доме. Будем сидеть здесь беззвучно, пока этот проклятый аукцион наконец-то не закончится.

Талия медленно кивнула, растеряв всю свою воинственность, и тихо ответила:

— Обещаю. Больше я никуда не пойду.

После этого мы быстро позавтракали, почти не разговаривая, и сразу принялись за работу. Чтобы превратить нашу и без того убогую лачугу в абсолютно глухой, нежилой склеп, нужно было постараться. Мы таскали из угла в угол тяжелые пыльные доски, наглухо забивая и без того крошечные окна. Сверху Талия яростно натягивала куски старой, почерневшей от сырости мешковины, маскируя любые щели, чтобы ни один случайный лучик света не пробился наружу. С улицы наш дом должен был выглядеть как полностью заброшенные, мертвые развалины, в которые никто в здравом уме не сунется.

Пока мы возились в полумраке, Митея, стоявшая у подоконника с охалкой грязных тряпок, вдруг замерла. Её плечи хрупко опустились, а глаза потемнели от подступивших слез.

— Мало того, что мы родились в этой проклятой Гнили, так еще и Этер наградил нас этими метками — произнесла она, глядя на свои руки. — Ну почему всё так несправедливо?

Талия, с силой вбивая ржавый гвоздь в оконную раму, даже не повернулась.

— Это всё Энтропы и Излом, — хмуро бросила она, вытирая пот со лба рукавом. — Так, по крайней мере, всегда говорили мои родители. Они верили, что чудовища прокляли эту землю.

— Да, моя мать тоже часто вспоминала ту ночь, — я остановилась посреди комнаты, крепче сжимая в руках молоток. Воспоминания из детства камнем легли на грудь. — Двадцать три года назад мир чуть не треснул пополам. Излом полыхал так, что небо казалось кровавым. Лорды Этера встали на защиту своих Пределов, они выстроились на Стыке и влили в пространство столько дикой боевой магии, чтобы справиться с Энтропами, которые лавиной валяли из дыры, что реальность просто не выдержала. Ударила вспышка. Такая нереальная, безумная вспышка силы, которой этот мир еще не видел.

— И эта волна накрыла всю Серую Гниль, — отозвалась Талия, откладывая инструмент. — Выжгла всё на своем пути.

— Мне отец тоже это рассказывал, — Митея шмыгнула носом, её голос задрожал, а пальцы смяли край мешковины. — Излом закрылся, но вспышка ударила по всей Гнили. И именно в этот момент я родилась. В ту самую секунду, когда магия Лордов смешалась с туманом трущоб. Всю жизнь... всю жизнь родители прятали меня. Мать с отцом всегда меня защищали. Прикрывали эту метку на спине, не выпускали на улицу во время облав, отдавали

последний кусок хлеба, лишь бы я не попалась Ищейкам Они были такими хорошими. А теперь их нет.

Она без сил опустилась прямо на грязный подоконник, пряча лицо в ладонях. Её хрупкие плечи мелко задрожали от беззвучных слез.

Бросив молоток на пол, я быстро подошла к Митее и крепко, до боли обняла её, прижимая к себе. Талия молча подошла с другой стороны, положив свою тяжелую ладонь ей на плечо.

— Теперь мы у тебя есть, Митея, — произнесла я, вжимаясь носом в её светлые волосы. — Слышишь меня? Мы у тебя есть. Мы теперь твоя защита и твоя поддержка. Мы пройдем через это вместе.

Митея кивнула, уткнувшись мне в плечо и судорожно выдыхая.

Талия отошла к двери, облокотившись о деревянный косяк, и её карие глаза снова налились привычной, мрачной горечью трущоб.

— Это Гниль, Тея, — цинично и жестко оборвала она тишину. — Она никого не жалеет. Наши родители отдали всё, чтобы спасти нас, но этот Стык всё равно их сожрал. Они заболели от вечной сырости, иссохли от голода и сгнили здесь. И мы... мы точно так же сгнием в этих трущобах, как и наши родители. Это просто вопрос времени.

— Не сгнием, Лия, — я обернулась к ней, не выпуская Митею из объятий. — Ты забываешь одну вещь. У нас есть иммунитет от всех этих болезней Стыка. Мы наполовину как Иверийцы. Наша кровь из-за той вспышки Излома очищает сама себя. Мы никогда не заболеем этой болотной лихорадкой, от которой люди в Гнили харкают кровью и умирают. Нам... нам придется сидеть здесь и просто смотреть, как остальные люди гниют заживо вокруг нас, пока мы остаемся здоровыми.

Талия пугающе усмехнулась, бросив быстрый взгляд на заколоченное окно.

— Великое утешение, Амира, — ледяным тоном бросила она, покрепче перехватывая свой нож под плащом. — Мы не умрем от лихорадки, здорово. Если только когда-нибудь нас просто не прирежут в подворотне свои же гнильщики за мешок ячменного зерна. Здесь людская жизнь стоит дешевле, чем гнилая луковица.

Мы молча продолжили работу. Каждый стук молотка казался слишком громким в этой тишине лачуги, но мы упрямо натягивали ткань и крепили доски, стремясь как можно скорее запечатать наше убежище от внешнего мира.

В какой-то момент я замерла с поднятой рукой, так и не опустив инструмент. Сквозь заколоченные щели с улицы донесся странный, тяжелый шум. Это не было обычным шагом редких прохожих.

— Тихо, — едва слышно выдохнула я, опускаю молоток.

Мы синхронно опустились на корточки, вжимаясь в тени у стен. Митея испуганно затаила дыхание, округлив глаза.

— Я посмотрю, Амира, — так же тихо шепнула Талия, медленно поднимаясь. — Аккуратно.

Она бесшумно, словно тень, двинулась к окну, которое мы только что забивали. Осторожно припав к узкой щели между доской и рваной мешковиной, Талия всмотрелась в туманную улицу трущоб. Её спина мгновенно одеревенела, а пальцы вцепились в деревянную раму.

— Это Ищейки, — выдохнула она, оборачиваясь к нам. В её голосе впервые звенел настоящий страх.

— Быстро, во вторую комнату! — скомандовала я, срываясь с места.

Мы бросились вглубь лачуги, стараясь не издавать ни единого звука на скрипучих половицах. Талия, забежав последней, мгновенно вытащила из-за пояса свои ножи. Один она оставила себе, а два других резко протянула мне и Митее.

Митея перехватила холодную рукоять, и я увидела, как сильно трясутся её тонкие пальцы. Она была самой нежной из нас, и мысль о драке приводила её в ужас.

— Мы... мы с ними не справимся, — со слезами в голосе прошептала Митея, прижимаясь спиной к стене.

— Митея, успокойся, — я шагнула к ней, заставляя посмотреть на меня. В полумраке спальни я с ужасом увидела, как её синие глаза снова начали бесконтрольно пульсировать и переливаться всеми оттенками. — Дыши глубже, Тея. Зажми эмоции. Может, они просто пройдут мимо.

Но шум на улице только усиливался. До нас долетали грубые крики, топот тяжелых сапог и плач соседей, которых выволакивали из лачуг.

Снаружи неожиданно раздался резкий окрик. Голос прозвучал совсем близко, прямо на соседней улице.

— Проверьте все дома. Даже заброшенные. Нам сказали, что здесь видели трёх молодых девок.

— Если они зайдут сюда, то мы пропали, — процедила Талия, вставая чуть впереди и выставляя нож. — Их слишком много. Этих Ищеек Гнили здесь просто тьма, Амира. Нам не отбиться.

— Всем тихо. Сидите тихо, — я крепче сжала рукоять оружия, чувствуя, как собственный магический рисунок на поясице начинает гореть от невыносимого напряжения.

Мы буквально вжались в стену, сливаясь с темнотой угла. Мы сидели не шевелясь, слушая, как бешено стучат наши сердца. Минута тянулась как вечность. И тут прямо в прихожей раздался оглушительный треск. Хлипкий засов не выдержал удара. Наша входная дверь со скрежетом распахнулась.

В эту же секунду страх испарился, уступив место ярости. Мы с Талией синхронно встали на ноги, выходя из тени и направляя ножи прямо перед собой.

В проеме комнаты появились они. Ищейки. От одного их вида меня передернуло от отвращения. Это были обычные люди из нашей же Серой Гнили, но они выглядели сытыми и были одеты в дорогую, опрятную одежду из плотной кожи — без единой прорехи или пятна грязи. Эти твари имели кучу денег с аукционов, цинично продавая в вечное рабство Иверийцам свой народ. Они были такими же людьми, выросшими в этом аду, но кормились за счет чужих сломанных жизней.

Один из них, крупный мужчина с коротким мечом на поясе, шагнул вперед и окинул нашу крошечную спальню наглым взглядом. Его губы растянулись в мерзкой, торжествующей улыбке.

— О-о-о... — протянул он, лениво поигрывая рукоятью оружия. — А кто это у нас тут прячется под досками? Какой шикарный товар завалился на окраине.

— Убирайся отсюда к чертовой матери, — ледяным, вибрирующим от злости голосом бросила Талия, делая шаг навстречу. Она стояла как вкопанная, демонстрируя невероятную храбрость.

Скупщик лишь хрипло посмеялся, даже не восприняв её угрозу всерьез, и небрежно махнул рукой назад, где в узком коридоре уже толпились его люди.

— Схватить их! — приказал он. — Осторожно только, морды не попортите.

Митея вздрогнула, но вместо того, чтобы сжаться, она вдруг упрямо вскинула голову и тоже встала в наш ряд, трясущимися руками направляя нож на врагов. В её глазах застыли слезы, но в них горела та же решимость. Я тоже выставила лезвие вперед, хотя прекрасно понимала, что со всеми этими ублюдками мы не справимся. Шаг за шагом, толкая друг друга, в нашу маленькую лачугу заходило всё больше и больше вооруженных Ищеек, полностью отрезая нам любой путь к спасению.

В глазах этих сытых, опрятных ублюдков не было ни капли жалости — только холодный расчет. Глядя на то, как они плотным полукольцом зажимают нас в углу, я ощутила, как к горлу подкатывает удушливая обреченность. Люди аукциона. Сволочи, которые за несколько сереб-

ряных монет ломали человеческие судьбы, швыряя земляков в пасть Иверийцам. Я слишком хорошо знала, что нас ждет дальше: грязные клетки, торги, рабские метки, выжженные прямо на коже, и медленная смерть во дворцах Высших.

Лучше сдохнуть прямо здесь, на этих гнилых досках. Лучше захлебнуться собственной кровью, чем пойти с ними добровольно.

— Взять их! — рявкнул вожак.

Ищейки рванулись вперед лавиной. Наша крошечная спальня мгновенно превратилась в сумасшедший, яростный ад.

Талия закричала первая — дико, воинственно — и с размаху полоснула ножом воздух, заставив одного из нападавших испуганно отпрянуть. Но силы были слишком неравны. Двое массивных мужчин навалились на Митею. Наша нежная, хрупкая блондинка выставила лезвие вперед, но один из Ищеек наотмашь ударил её по руке. Раздался глухой, противный хруст, нож с криком вылетел из её пальцев, со звоном покотившись по полу.

— Амира! Талия! — закричала Митея, когда её грубо сгребли за шиворот, отрывая ноги от земли.

— Не трогай её, ублюдок! — взревела Талия, пытаясь прорваться к подруге, но её перехватили. Двое громил с ходу навалились на неё сзади, мертвой хваткой заламывая руки за спину. Талия отчаянно брыкалась, кусалась, хрипела и пыталась вырваться, но её вжимали в пол.

Еще двое бросились на меня. Я успела сделать один точный выпад, распоров кожаный рукав первому, но второй с размаху перехватил мое запястье. Боль обожгла сустав. Ищейка с силой крутанул мою руку, заставляя пальцы разжаться, и мой нож с глухим стуком упал в солому. Меня жестко, до хруста в костях развернули спиной и с размаху впечатали лицом в стену.

— Пусти, тварь! Пусти! — задыхаясь от ярости, хрипела я, безуспешно пытаясь выкрутиться.

Я повернула голову, преодолевая давящую боль, и увидела, как один из мародеров уже волочит рыдающую, бледную Митею к выходу в коридор. Она отчаянно цеплялась босыми ногами за дверной косяк, срывая ногти в кровь. Следом за ней, согнув пополам, двое других ублюдков грубо потащили матерящуюся, брыкающуюся Талию. Нашу маленькую семью рвали на куски прямо на моих глазах.

— Митея! Талия! — в полном отчаянии закричала я.

— Амира! Амира, помоги! — донеслось из коридора эхо панического, затухающего крика Митеи.

Меня тоже резко дернули назад, отрывая от стены, и пинком погнали к выходу. Я шла, едва переставляя ватные ноги. Ищейки выводили нас на улицу, навстречу позорным клеткам аукциона.

Я смотрела на этот разгромленный дом, на растрепанные темные волосы Талии, на спину Митеи впереди. По щеке покатила слеза. Это был конец нашего выживания.

И в этот самый миг внутри сработал холодный, расчетливый щелчок. Печать на пояснице запульсировала так дико, что магия уже готова была выплеснуться наружу и затопить мои глаза, выдавая аномалию.

«Успокойся, — приказала я себе, до крови прикусывая губу. — Зажми это обратно. Успокойся, Амира, иначе они всё увидят».

Глубоко вдохнула, силой заталкивая бушующую силу обратно, в самую глубину души. Прекрасно понимала: если эти Ищейки сейчас увидят трехцветные переливы в моих глазах, если поймут, что скрыто под моей кожей они увидят во мне не просто товар, который можно дорого продать на площади. Они поймут, что я в сотни раз ценнее всей Серой Гнили, вместе взятой.

Я закрыла глаза на секунду, силой воли гася пульсацию рисунка. Мой взгляд снова стал обычно-зеленым.

Когда меня грубо вытолкнули на удушливую, залитую туманом улицу Гнили, я была спокойна. Но внутри уже разгоралось новое, ледяное пламя.

Глава 5

Нас притащили в самый центр Серой Гнили, туда, где обитали сытые ублюдки из верхушки Ищеек. Нас грубо заволокли в массивное каменное здание, пропахшее сыростью, страхом и старым железом. Ищейки не стали швырять нас в общие загоны на улице — такую «элитную добычу» они решили спрятать под замок в глубоком подвале.

Нас раскидали по отдельным железным клеткам, стоящим в ряд вдоль ледяной стены. Тяжелые прутья с грохотом захлопнулись, заставив меня вздрогнуть.

Я мгновенно прижалась лицом к ржавому железу, высматривая девчонок. Слева от меня, в соседней клетке, Митея мешком осела прямо на грязную землю. Она сжалась в комок, обхватив колени руками, и горько разрыдалась. Её светлые волосы промокли и испачкались в пыли, а хрупкие плечи мелко дрожали от накрывшей её паники. Чуть дальше, в третьей клетке, стояла Талия. В полумраке подземелья её глаза яростно блестели, руки намертво вцепились в прутья, а на шее бешено пульсировала жила. Она дышала тяжело, как загнанный, но всё ещё опасный хищник.

— Митея! Пожалуйста, посмотри на меня, — хрипло позвала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. — Тея, дыши. Всё будет нормально. Слышишь? Мы выберемся.

Митея подняла голову, и её лицо, залитое слезами, показалось мне до ужаса бледным.

— Ничего нормального больше не будет, Амира! — со страшным, надрывным отчаянием выдохнула она, хватаясь пальцами за прутья своей клетки. — Нас продадут на аукционе Неизвестно кому, неизвестно куда! Мы для них просто скот!

Талия резко повернулась в сторону её клетки, и в её голосе звенящим металлом прорезалась жесткость:

— Митея, замолчи и слушай меня. Обещай мне. Обещай, что если нам не удастся сломать эти клетки прямо сейчас, ты будешь сильной. Ты поняла? Не смей ломаться перед этими тварями!

Митея перевела свой затуманенный слезами взгляд на Талию, и из её груди вырвался глухой вскрик.

— Я больше вас никогда не увижу... — прошептала она, и новая волна слез покатилась по её щекам. — Я знаю это.

— Мы сделаем всё, чтобы нас не смогли разлучить, — упрямо выкрикнула я, с силой дернув железную решетку, отчего та противно заскрежетала на весь подвал. — Мы найдем способ остаться вместе!

— Аукцион... завтра аукцион, — Митея затряслась еще сильнее, вжимаясь спиной в угол своей клетки. — Я слышала, как Ищейки говорили наверху, когда нас вели сюда. Торги начнутся завтра утром. Завтра нас продадут, и мы больше никогда друг друга не увидим! Никогда!

Её крик сорвался на хриплый плач. Внутри меня всё окончательно обледенело. Я прикусила губу до крови, прекрасно понимая, что Митея права. Ставки были слишком высоки. Нас ждали торги. И если нас выкупят Высшие с разных Сводов, если одну утащат в ледяную мглу Стигии, вторую — на парящие острова Целестии, а третью запрут под палящим солнцем Соляриса между нами встанут непреодолимые магические купола Этера. Мы окажемся раскиданы по разным концам этого жестокого мира.

Но Талия не собиралась сдаваться. Она с дикой силой ударила кулаком по железному пруту своей клетки.

— Мне плевать на их аукцион! — бешено процедила она, в упор глядя на нас. — Слышите меня? Плевать! Я сделаю всё, чтобы выбраться. Даже если меня закинут в самую глу-

бокую, черную дыру этого мира — я перегрызу глотки стражникам, найду выход и вернусь обратно в эту чертову Гниль!

— Обещай мне это, Лия, — я встретилась с ней взглядом, и внутри меня разгорелось то самое ледяное пламя мести, которое я так долго давила. — Я тоже сделаю всё. Я переверну каждый Свод Этера, нарушу любые законы их Лордов, но я найду вас.

Мы одновременно повернули головы и посмотрели на Митею. Из нас троих она была самой нежной, самой ранимой и незащищенной. Больше всего на свете я боялась, что её мягкое сердце просто не выдержит той жестокости, которая ждала нас за пределами этих трущоб.

— Митея, — я смягчила голос, протягивая руку сквозь прутья в её сторону, хотя и не могла дотянуться. — Посмотри на меня. Обещай. Обещай мне прямо сейчас, что ты будешь сильной. Что бы они с тобой ни делали, куда бы тебя ни увезли — держись за жизнь зубами.

Митея замерла. Она медленно утерла слезы грязным рукавом плаща и подняла на нас свои огромные глаза. В их глубине, прямо за дрожащими ресницами, на секунду снова промелькнул едва заметный, аномальный отблеск. Вся её детская хрупкость будто испарилась, уступая место тяжелому, взрослому осознанию.

— Обещаю, — тихо, но удивительно четко произнесла Митея. Её подбородок больше не дрожал. — Я сделаю всё. Вы... вы — это всё, что у меня осталось в этой гребаной жизни. Я вытерплю что угодно, но я найду выход. И я найду вас.

Этот шепот повис между нашими клетками, скрепляя нашу клятву сильнее любых рабских меток.

Весь оставшийся день и всю бесконечную ночь мы провели в этих тесных железных клетках. Сырой подвал каменного здания Ищеек медленно выкачивал из нас остатки тепла, заставляя дрожать. Я сидела, прижавшись спиной к ржавым прутьям, и не сводила глаз с подруг. Было невыносимо больно смотреть, насколько тяжело приходится Митее. Моя нежная, ранимая девочка почти не поднимала головы от колен, её хрупкие плечи изредка вздрагивали от беззвучных слез, а глаза совсем потухли. Зато Талия держалась мертвой хваткой. Всю свою жизнь она отличалась упрямым, взрывным характером, и сейчас эта ярость не давала ей сломаться.

В голове тяжелым грузом ворочались мрачные мысли. Я понимала: если нас купит кто-то из богатых Высших Иверийцев, у нас еще останется слабый шанс на победу. Из обычного поместья или особняка в городе можно сбежать, подгадав момент. Но если на нас позарится кто-то из трех Лордов Вырваться из личного дворца правителя будет практически невозможно.

«Я вытерплю всё что угодно, — клялась я самой себе в глухой темноте подвала, до боли сжимая кулаки. — Любые побои, любую рабскую работу. Я выживу».

Но один страшный вопрос не давал мне покоя. Как долго мы сможем скрывать свою тайну в их закрытых землях? Я посмотрела на девчонок. Достаточно будет одному надсмотрщику сорвать с нас рубашки, чтобы увидеть эти магические рисунки вдоль позвоночника. Любой Ивериец с первого взгляда поймет, что мы — полукровки. А что еще хуже — если они узнают про наши способности? Если поймут, что мы можем предсказывать, исцелять и укрощать Энтропов? Нас просто запрут в подземных тюрьмах как живое оружие.

Посреди ночи мы предприняли отчаянную попытку выбраться. Талия где-то откопала ржавый кусок тонкой проволоки и, высунув руки сквозь решетку, принялась яростноковыряться в массивном замке своей клетки. Её пальцы срывались, ногти трескались в кровь, а в тишине подвала раздавался тихий, противный скрежет металла. Митея смотрела на неё из своего угла с такой безумной, щемящей надеждой. Но у Талии ничего не получалось. Механизм заклинило намертво. В конце концов она со злостью швырнула проволоку в стену, грязно сматерилась на весь подвал и бессильно опустилась на землю. Под утро, истощенные страхом и усталостью, мы всё-таки забылись рваным, тяжелым сном.

Утром нас разбудили резкие, эхо разносившиеся шаги.

Мы вскочили на ноги одновременно, мгновенно прижимаясь к решеткам. Тяжелая дубовая дверь подвала с грохотом распахнулась, и в помещение зашли трое Ищеек. Это были те самые холеные, сытые люди аукциона в опрятных кожаных жилетах. Они лениво прошли вдоль ряда клеток, и их кованые сапоги зловеще стучали по каменным плитам.

Они остановились ровно напротив Митеи.

Старший из них, шрамированный мужик с мерзкой ухмылкой, подошел вплотную к прутьям и начал бесцеремонно рассматривать, оглядывая её с ног до головы, как породистую кобылу на базаре. Митея испуганно вжалась в угол, закрывая лицо руками.

— Не смейте трогать её, ублюдки! — истошно закричала Талия, с силой бросаясь на решетку своей клетки и сотрясая её всем телом. — Руки убрали от неё, твари!

Ищейки лишь громко, цинично поржали над её криком. Старший повернулся, мазнул равнодушным взглядом по брызжущей яростью Талии, а затем его цепкие глаза остановились прямо на мне. Он сделал два шага к моей клетке, в упор разглядывая моё лицо.

— Давай вот эту сперва выведем, — протянул он, довольно прищелкнув языком. — Посмотри, какая у неё чистая, гладкая кожа. И глаза... ярко-зеленые, дикие. Вышие на площади за такую подерутся. А этих двух пока оставим здесь. Придержим для следующего аукциона.

Один из конвоиров уже потянулся к связке ключей на поясе, направляясь к замку моей клетки. Нас начинали разделять.

Тяжелый железный ключ со скрежетом повернулся в замочной скважине. Ржавые петли моей клетки противно взвизгнули, и дверь медленно поползла наружу.

— Да что вы за люди такие?! — в полном отчаянии снова закричала Талия, со всей силы бросаясь на прутья своей решетки. Металл зазвенел под её ударами. — Не трогай её, ублюдок! Оставь её в покое!

Я медленно отступила в самый дальний, темный угол клетки, намертво прижимаясь спиной к каменной стене. Сердце бешено колотилось в горле. Внутри всё заледенело от абсолютного, жгучего бессилия. Защищаться было нечем. У меня не осталось ни ножа, ни тяжелого обломка камня — совсем ничего, кроме собственных кулаков.

Двое массивных Ищеек грубо шагнули внутрь. Один из них мертвой хваткой вцепился в мое предплечье, рывком потянув на себя. Я не выдержала — закричала, начала яростно брыкаться, изворачиваться и со всей дури пинать их сапогами по голеним. Второй ублюдок с размаху перехватил мою вторую руку, заламывая её за спину так жестко, что в плече что-то хрустнуло. Меня силой выволокли из клетки и поволокли по ледяному полу к выходу.

Митея, согнувшись в три погибели в своем углу, закрыла лицо руками и громко заплакала. Талия продолжала безумствовать, без остановки колотя кулаками в решетку и выкрикивая проклятия в спины уходящих мужчин.

У самого порога подвала я на секунду преодолела сопротивление конвоиров и резко обернулась назад, в темноту.

— Я найду вас! — задыхаясь от душащих меня слез, крикнула я девчонкам, стараясь, чтобы они запомнили каждую букву. — Чего бы мне это ни стоило, но я вернусь! Слышите?! Я вернусь!

Митея зарыдала еще громче, а Талия в последний раз с грохотом врезалась телом в железные прутья:

— Ублюдки! Твари!

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась, отрезая меня от их криков. Меня потащили вверх по каменным ступеням.

Стоило конвоирам вытолкнуть меня на улицу, как яростное солнце Соляриса с размаху ударило прямо в глаза. Я болезненно зажмурилась, слезы брызнули из-под век, а голова мгно-

венно закружилась от душного, иссушающего жара. Свод Вечного Зенита сегодня пёк без жалости.

Когда зрение немного вернулось, я с ужасом огляделась. Меня вели сквозь огромную, бурлящую толпу. На центральной площади Серой Гнили яблоку негде было упасть: здесь собралось сотни гнильщиков, которые испуганно жались друг к другу, и целые толпы Иверийцев. Высшие расхаживали по площади в своих роскошных, дорогих шелках, лениво переговариваясь и цинично оглядывая пленных людей, словно скот на бойне.

Меня грубо погнали вперед и подняли на высокую деревянную платформу, служившую сценой для торгов. Прямо посреди подмостков стоял длинный ряд маленьких, тесных железных клеток, сколоченных из толстой арматуры. Они были настолько узкими, что предназначались строго для одного человека.

Один из конвоиров сорвал засов с ближайшей решетки и со всей дури втолкнул меня внутрь. Я не удержалась на ногах, с размаху ударила плечом о противоположные железные прутья и позорно растянулась на грязных досках пола. Сзади тут же раздался оглушительный, финальный ляг. Замок закрыли.

Я перевернулась набок, хватаясь руками за решетку, и поднялась на колени. Всё было кончено. Я была заперта в клетке посреди слепящей площади.

Прямо перед сценой, на резных деревянных трибунах, вальяжно сидели десятки богатых Высших Иверийцев. По периметру площади, крепко сжимая рукояти мечей, ровной стеной стояли Ищейки, зорко следя за порядком.

Чувствуя на себе сотни оценивающих, липких взглядов бессмертных, я медленно попятилась назад, вглубь своей тесной клетки, пока не уперлась спиной в заднюю решетку. Пытаясь хоть немного скрыться от их чужих, хищных глаз, я низко опустила голову, пряча лицо в тени капюшона.

Сердце бешено колотилось в ребрах, пока я изо всех сил молилась Этеру лишь об одном: чтобы эти торги прошли мимо меня. Чтобы меня никто не купил. Чтобы я осталась здесь, в грязной Серой Гнили.

Я стояла в самом углу этой душной клетки, до крови впиваясь ногтями в ладони. Грудь ходила ходуном. Главное — успокоиться. Я до хрипа заставляла себя дышать ровно, молясь только о том, чтобы разноцветное кольцо в моих глазах снова не вспыхнуло из-за дикого страха и не выдало мою аномалию всей этой толпе на площади.

И вдруг в моей голове раздался голос.

Это была не моя мысль. Звук возник прямо внутри черепной коробки — глубокий, властный, мужской голос, который тянулся лениво, с каким-то пугающим, бархатным высокомерием. Незнакомец словно забавлялся со мной.

«Решила спрятаться?»

Я замерла, не смея даже пошевелиться. Не поднимая головы, я осторожно, исподлобья повела взглядом по сторонам. Но рядом со мной никого не было. Соседние клетки пустовали, а Ищейки стояли далеко у края помоста.

«Какая наивность... Но от меня не скрыться. Я ведь вижу абсолютно всё».

Кожа покрылась ледяным потом. До меня с ужасом дошло: этот голос звучал в моей голове, это не был бред от пережитого страха. Кто-то пролез в мой разум. Сердце заколотилось в ребра так бешено, что в ушах зашумело. Ошарашенно глядя в грязный деревянный пол клетки, я пыталась понять, как вообще возможно подобное чудовищное вмешательство.

«Уже боишься меня? Какая прелесть... Не бойся, дикарка. Мне лишь любопытно, что за сокровище ты прячешь под этим уродливым капюшоном».

В панике я попыталась забиться еще глубже в угол, сжимаясь в комок. Что за чертовщина происходит? Кто этот монстр?

«Ну же, сделай шаг ближе к решётке. Будь хорошей девочкой».

«Ни за что, — мысленно огрызнулась я, упрямо вжимаясь лопатками в железную арматуру. — Никуда я не пойду».

Чужая, невидимая и непреклонная воля стальными нитями опутала мои суставы. Мои ноги сами, совершенно без моего согласия, оторвались от пола и сделали один тяжелый, механический шаг вперед. Потом второй. Я в полном шоке и ужасе пыталась удержать себя, пыталась упасть, закричать, но мышцы действовали сами по себе, словно я превратилась в безвольную куклу. Пальцы рук сами потянулись к передним прутьям клетки и мертвой хваткой вцепились в холодное железо. Я стояла у самого края, парализованная этой дикой, извращенной силой.

«Подними голову. Позволь мне наконец разглядеть тебя».

Шея дернулась. Подбородок плавно, против моей воли, пополз вверх. Это был чистый, первобытный кошмар — чувствовать, как кто-то чужой дергает за ниточки твоего собственного тела. Я подняла голову и уставилась на площадь.

Передо мной раскинулась вся эта бурлящая, залитая золотом толпа. На резных трибунах вальяжно сидели Высшие Иверийцы, кто-то лениво прохаживался между рядами, кто-то переговаривался. Я лихорадочно бегала глазами по их лицам, отчаянно пытаюсь вычислить, какой ублюдок забрался в мой разум и играет со мной, как с марионеткой. Чёртова магия Иверийцев... Я понимала, что обычный гнильщик на такое не способен. Но среди сотен высокомерных лиц на площади невозможно было разглядеть того, кто устроил этот кукольный театр.

«Какие потрясающие глаза... Настоящий изумруд. Сними капюшон, я хочу увидеть твоё лицо».

Мои руки сами оторвались от железных прутьев. Разум истошно орал: «Остановись! Прекрати!», но пальцы послушно поднялись к лицу и ухватились за края грязной серой ткани. Я пыталась бороться, сопротивляться, удерживать собственные руки силой мысли, но чужая магия кукловода была слишком плотной, она просто ломала мою волю. Медленным, плавным движением руки потянули ткань назад. Капюшон соскользнул с моей головы, открывая лицо слепящему солнцу. Мои русые волосы были небрежно, наспех завязаны внизу у самой шеи старой бечевкой, и несколько прядей сразу упали на лоб.

«Очаровательно... А теперь распusti эти пряди. Хочу увидеть их на твоих плечах».

В ментальном приказе послышалось довольное придыхание, он наслаждался каждой секундой своей жуткой игры. Пальцы моих рук без капли сомнения завели ладони за затылок. Я нащупала грубый узел бечевки и одним резким движением дернула его, разрывая нить.

Мои густые русые волосы мягкой волной рассыпались по плечам. Я стояла перед всей площадью, подставив лицо жаркому солнцу, а невидимый кукловод продолжал издевательски рассматривать меня сквозь сотни глаз, заставляя мое сердце заходиться в бешеном, паническом ритме.

Я бегала глазами по трибунам Иверийцев, отчаянно пытаюсь отыскать того, кто устроил этот извращенный кукольный театр в моей голове. И вдруг мой взгляд намертво наткнулся на ответный, обжигающе пристальный взор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.